

КАРЕЛО-ФИНСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
БАЗА АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

К. В. ЧИСТОВ

„КАЛЕВАЛА“ — ВЕЛИКИЙ ЭПОС
КАРЕЛО-ФИНСКОГО НАРОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1949

В феврале 1949 г. трудящиеся Карело-Финской ССР отмечают 100-летие выхода в свет полного издания великого эпоса карело-финского народа „Калевала“.

В дни, когда обнаглевшие „идеологи“ американского империализма призывают народы „маршаллизированных“ стран Европы отказаться от их политического, экономического и культурного национального суверинитета в пользу космополитических интересов Уолл-стрит, карело-финский народ с любовью обращается к великому поэтическому памятнику прошлого, гордясь своим национальным вкладом в золотой фонд социалистической культуры советского народа. „Советские люди считают,—говорил И. В. Сталин,—что каждая нация,— все равно—большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее“. Юбилей „Калевалы“ встанет в один ряд с отмечавшимися в последние годы юбилеями великих русских писателей: Пушкина, Белинского, Некрасова и Островского, юбилеем великого узбекского поэта Алишера Навои, юбилеем великого армянского писателя Абовяна, великого казахского акына Джамбула и др. и будет, как и они, праздником всего советского народа, свидетельством великих успехов ленинско-сталинской национальной политики.

„Калевала“—замечательный вклад карело-финского народа в сокровищницу мировой культуры. Значение

„Калевалы“ заключается в том, что в ее вечных строках воплотились чаяния и надежды карело-финского трудового народа в далеком прошлом, его мечта о будущем счастье, его вера в торжество радостного и свободного труда.

„Калевала“ — поэма труда, поэма о трудовых подвигах народных героев, об их борьбе за свободу и счастье своего народа. Это великий памятник народной культуры.

Карело-Финская Советская Социалистическая Республика не похожа на легендарную страну сынов Калевы, о которой рассказывают руны. Предкам советского карело-финского народа трудно было предвосхитить величие и размах наших дней, но „Калевала“ остается для нас неповторимым и неувядаемым творением поэтического гения карело-финского народа, воспевшим силу и доблесть, мудрость и высокую моральную чистоту трудящихся масс создавшего его народа.

Нам дорога „Калевала“, прославляющая героический и вдохновенный труд, потому что в наши дни труд наших советских людей стал „делом чести, делом славы, делом доблести и геройства“ (Сталин).

Нам дорога прекрасная легенда о Сампо, приносящем счастье, о котором веками мечтал наш народ, мечта, получившая осуществление только в дни Великой Сталинской эпохи.

Нам дорога „Калевала“ как памятник неиссякаемой творческой энергии народа, пронесшего свою высокую поэтическую культуру сквозь века гнета и нищеты, сквозь века кабалы и унижения.

Трудящиеся Карело-Финской ССР, законные наследники великих народных певцов — создателей рун „Калевалы“, достойно отмечая этот замечательный юбилей, встречают его новыми достижениями во всех областях народного хозяйства и культуры.

* * *

Предлагаемая брошюра ставит своей целью кратко изложить содержание „Калевалы“, ее историю, раскрыть хотя бы в общих чертах замечательные по своей глубине и мудрости идеи „Калевалы“ — величайшего памятника народного искусства.

100 лет тому назад вышел в свет прославленный сборник карело-финских народных эпических песен (рун), названный „Калевалой“.

Эпические песни—это песни о подвигах героев. Страна, в которой жили и совершали подвиги герои карело-финских рун, называется в рунах „Калевалой“, т. е. „страной рода Калевы“. По имени этой легендарной страны и был назван сборник карело-финских рун. Собрал руны, составившие „Калевалу“, известный финский ученый Элиас Ленрот. Больше двадцати лет самоотверженный ученый работал над составлением „Калевалы“.*

Еще в молодости, познакомившись с отдельными записями рун из Карелии, он горячо заинтересовался карело-финским устным народным творчеством и решил посвятить себя его собиранию и изучению. Он совершил многочисленные поездки по карельским деревням, главным образом в пределах границ современной Карело-Финской ССР (районы Калевалы, Ругозерский, Ребольский и др.), записал от карельских крестьян большое количество рун, и стал сам прекрасным их исполнителем. Во время этих поездок он пришел к мысли о возможности объединения лучших из записанных им рун в одну целостную поэму. Этот замысел ему удалось осуществить в 1835 г., когда вышло первое издание „Калевалы“, бывшее значительно меньше и беднее той, которую мы знаем теперь.** Первое издание не удовлетворило Э. Ленрота; он продолжил свои поездки, использовал записи других собирателей и к 1849 г. закончил новое, полное издание „Калевалы“, которое, в отличие от первого, часто называют „Новой Калевалой“. В таком виде „Калевала“ издается и до сих пор. Она состоит из 50 рун (22) 795 стихов.

До конца XIX в. „Калевала“ была переведена на все крупнейшие языки мира, под ее влиянием возникла эстонская поэма Крейцвальда „Калевипоэг“, поэма американского поэта Лонгфелло „Песня о Гайавате“, поэма вогульского поэта Плотникова „Янгалма“ и др.

* Ленрот родился в 1802 г. в приходе Самматти Ньюландской губ. (Финляндия) в семье бедного сельского портного. Умер в 1884 г.

** В 1935 г. трудящиеся Карело-Финской ССР отметили 400-летие первого издания „Калевалы“.

Русские читатели познакомились с „Калевалой“ еще до выхода в свет полного издания. Первым переводчиком карельских рун на русский язык был поэт Федор Глинка, сосланный в Петрозаводск за участие в декабристском движении. Однако его переводы были опубликованы значительно позже. В 40-е годы русский академик Я. К. Грот, личный друг Э. Ленрота, совершивший с ним одну из поездок по Карелии и Финляндии, регулярно сообщал о ходе работ Э. Ленрота над „Новой Калевалой“ в известном русском журнале „Современник“. В том же журнале появились и первые стихотворные переводы рун на русский язык. В 50-е и 60-е годы русские журналы часто вспоминали о „Калевале“, печатали пересказы отдельных мест, статьи, толковавшие некоторые вопросы ее изучения и т. д.

В 1880 г. студент Московского университета С. В. Гельгрэн опубликовал перевод одной из наиболее интересных частей „Калевалы“—рун о Куллерво. И, наконец, в 1889 г., т. е. 60 лет тому назад, вышел в свет полный перевод „Калевалы“ Л. Бельского на русский язык. Перевод этот расценивался современниками как замечательное событие. Л. Бельскому присуждена была Пушкинская премия. Перевод Бельского выдержал 6 изданий и считается до сих пор лучшим переводом „Калевалы“. В советское время было осуществлено три издания „Калевалы“— в 1933 г. (Academia) и в 1940 г. (Карело-Финский научно исследовательский институт культуры)— на русском языке и в 1935 г. на финском.

„Калевала“ стала великим памятником карело финской культуры. Основные идеи „Калевалы“ дороги советскому народу. Темы „Калевалы“ до сих пор вдохновляют карело-финских сказителей, писателей и композиторов. Советские сказители не только продолжают петь руны о героях „Калевалы“, но и обогащают народный эпос новыми рунами, воспевающими дни и дела великой сталинской эпохи. Прозаики и поэты Карело-Финской ССР любовно используют великие достижения народной традиции (В. Гудков, Н. Грибачев, И. Кутасов, Н. Титор, Т. Гуттари, И. Пертту и др.). Заслуженный деятель искусств Карело-Финской ССР композитор Р. С. Пергамент написал две оперы по мотивам „Калевалы“— „Айно“ и „Ильмаринен“, и „Песню матери“ на слова рун, К. Э. Рауттио — композицию

для смешанного хора с оркестром „Новое березовое кантеле“, Л. В. Вишкарев — оперу „Сампо“ (либретто Н. О. Рубан), С. И. Синисало — балет „Похищение Кюллики“ и т. д. Всех их привлекает чарующая поэтическая прелесть народных рун, их глубокие и ясные идеи.

2

Карело-финские руны возникли много столетий тому назад и прожили долгую и сложную жизнь. Из поколения в поколение передавались замечательные песни, прославляющие подвиги народных героев — мудрого старца Вейнемейнена, кузнеца Ильмаринена, веселого Лемминкейнена и сурового Куллерво. При этом каждое поколение не только передавало руны следующему, но и понимало их по-своему, обогащало их блеском своего таланта, выражало в них свое собственное отношение к окружающему миру.

Руны — коллективное создание народа. Они передаются из уст в уста, шлифуются, обогащаются и совершенствуются. В этом — сила народного творчества. „Мощь коллективного народного творчества, — писал А. М. Горький, — доказывается всего ярче тем, что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного „Илиаде“ или „Калевале“. Карело-финский народ гордится высокой оценкой, данной великим пролетарским писателем „Калевале“.

Руны обычно пелись и поются одним или двумя певцами. Различные руны могут исполняться на один и тот же напев. Напев при этом не играет той роли, какую он играет при исполнении лирической песни. Внимание сказителей и слушателей целиком сосредоточивается на неторопливом, спокойном рассказе о подвигах героев. В некоторых местностях руны исполнялись вдвоем, певцы садились на скамью друг против друга и, взявшись за руки, покачивались и попеременно пели строфы рун.

Наиболее талантливые певцы создавали своеобразную манеру пения, обучали ей своих учеников и продолжателей. Поэтому даже сказители одного района подчас по-разному исполняют одни и те же руны, но особенно заметны различия между рунами, которые поют певцы разных районов Карелии. Так, в северной

Карелии главным героем рун выступает Вейнемейнен, в южной — Ильмаринен, хотя певцы севера и юга знают и того и другого. Такое различие уже не объясняется просто разной манерой пения, причина его кроется в своеобразной истории хозяйственного развития севера и юга республики. Старый Вейнемейнен изготавливает лодку, ловит рыбу, отправляется в долгое морское странствование. Ильмаринен же славен своим чудесным ремеслом, он — кузнец. Естественно, что южным карелам, которые в древности были известны как рудодобытчики и лучшие кузнецы северо-восточной Европы, был ближе Ильмаринен, в то время как северным карелам — по преимуществу — рыболовам и охотникам — Вейнемейнен.

Отсюда становится понятной огромная ценность народных рун для изучения прошлого карело-финского народа и необходимость тщательной записи народных рун из уст сказителей различных районов республики.

Карело-финский народ по праву гордится высокоодаренными сказителями, завоевавшими рунам всемирную славу.

Карельские певцы рун не были сказителями-профессионалами, они оставались крестьянами, рыболовами и охотниками. Более ста лет тому назад, когда Элиас Ленрот записывал руны, составившие „Калевалу“, в Карелии были широко известны замечательные певцы рун — Архип Перттунен, Василий Киэлевяйнен, Андрей Малинен и др. Род Перттуненов прочно вошел в историю карельского народного творчества. От сына Архипа Ивановича — Михаила Архиповича было также записано много рун. В наши дни их славное дело продолжает правнучка Архипа Ивановича — Татьяна Алексеевна Перттунен (дер. Ладвозеро, Калевальского района). Великое наследство прошлого бережно хранят в своей памяти многие сказители сел и деревень различных районов Карелии. Среди них наиболее известны М. А. Ремшу, М. М. Хотеева, М. И. Михеева, К. Гауринен (Калевальский район), К. И. Ананьина (Ведлозерский район), П. Г. Прокопьев, П. И. Иванова (Ведлозерский район), А. Ф. Никифорова (Петровский район), А. Е. Киброева (Пряжинский район), Е. Г. Гаврилова (Олонецкий район) и др. И если ослепший Михаил Перттунен окончил жизнь в нищете и убожестве,

если в прошлом тысячи талантливых певцов остались неизвестными и не смогли развернуть своего поэтического дара, то в советское время народные таланты получили все условия для активного творчества. Сказители, окруженные заботой большевистской партии, стали известны всему советскому народу, пользуются всеобщей поддержкой и любовью. Они нередко выступают с пением рун в колхозных клубах, по радио, участвуют в смотрах художественной самодеятельности, собираются на специальные конференции в столицу республики, выезжают для выступлений в Москву и Ленинград. Лучшие сказители за сохранение рун и других произведений народной поэзии награждены Почетными грамотами Верховного Света Карело-Финской ССР. Некоторые из них стали членами Союза советских писателей.

Многие сказители, бывшие в прошлом лишь передатчиками усвоенного, становятся активными творцами нового; в прошлом неграмотные, они знакомятся с книгой и газетой, становятся передовыми людьми советской колхозной деревни. Богатейшая поэтическая культура, унаследованная от предков, помогает им живо откликаться на события нашей героической современности. В советских карело-финских народных рунах поется о Ленине и Сталине, героях гражданской и Отечественной войны, героях борьбы за строительство социализма в нашей стране.

3

„Калевала“ не охватывала всех известных карельских народных эпических песен. Из всего богатства народных рун Ленрот отобрал лишь те, которые легко циклизировались, т. е. объединялись в один сводный рассказ о приключениях героев „Калевалы“. К мысли о возможности объединения рун Ленрот пришел после знакомства с карельскими певцами рун (Василием Киэлевяйненом и др.), объединявшими в одно сказание по нескольку рун, относящихся к одному герою. Придерживаясь такого же принципа, Ленрот создал несколько циклов, включив в них все известные ему руны об основных героях „Калевалы“ — Вейнемейнене, Ильмаринене, Лемминкейнене и Куллерво, а эти циклы, в свою

очередь, расположил в таком порядке, при котором каждый подвиг героя оказался чем-то связанным с предыдущим и последующим подвигом.

Вспомним вкратце содержание „Калевалы“: она открывается величественным повествованием о происхождении мира, начале человеческой культуры и рождении главного героя эпоса — Вейнемейнена от матери вод. Вейнемейнен долго носится по волнам, пока не достигает, наконец, берега. Но земля пустынна и бесплодна:

Он подумал, поразмыслил,
Долго голову ломал он:
Кто ему засеет землю,
Кто рассыпать может семя?*

На помощь Вейнемейнену приходит маленький человек — Сампса Пеллервойнен. Сосны, ели, березы, черемуха, рябина, ракета, можжевельник, вереск буйно разрастаются по всей земле. Только дуб вначале не выходит из земли, но Вейнемейнен поступает так, как веками поступали карельские крестьяне, сохранившие „пожог“ (лядины), т. е. подсечное земледелие, почти до Великой Октябрьской социалистической революции:

Он собрал траву: зажглися,
Запылали ярко травы,
Так что в золу превратились,
Обратились темным дымом.
Вот зола стоит там кучей,
Пыль лежит сухою грудой;
В пыль кладет он листик нежный,
Вместе с ним дубовый жолудь.
Дуб из них былинкой вырос,
Стройно стал побег зеленый,
Стал на почве плодородной,
На поляне удобренной.

Дуб на удобренном поле разрастается так, что лучи солнца не проникают через его ветви. По призыву Вейнемейнена маленький человек снова выходит из моря и рубит дуб, после чего солнце и луна опять начинают

---

* Цитируется по переводу Л. Бельского.

светить. Птицы поют на деревьях; деревья, травы, цветы, ягоды растут на земле; только ячмень еще не хочет расти. После долгих поисков Вейнемейнен находит несколько ячменных зерен в песке на берегу:

Спрятал их он в куньей шубке,
Сунул в лапки желтой белки
И пошел засеять землю.
Он пошел рассыпать семя
На берегах ключа Калева,
На краю поляны Осмо.*

Вейнемейнен снова рубит лес для того, чтобы сжечь стволы деревьев и золой удобрить поляну. Но одно дерево он щадит. Это береза—место отдохновения птиц. В благодарность орел приносит ему огонь; лес сгорает, и пожар готов. Вейнемейнен сеет ячмень и поет песню, призывая богатый урожай на благо народу Калевалы.

Песни Вейнемейнена, его мудрость делают его знаменитым. Молва о нем доходит в Похьелу,** страну, враждебную Калевале. Хвастливый похьеланец Юкагайнен задумывает известить мудрого старца, но оказывается посрамленным. Он не знает „вещей начало, глубины деяний вечных“, т. е. не обладает знаниями, к которым стремится Вейнемейнен. В наказание Вейнемейнен силой песни погружает Юкагайнена по горло в болото:

Хочет он ногою двинуть
И поднять ноги не может,
Повернуть другую хочет—
Но она обута в камень.

Напрасно он предлагает Вейнемейнэну „два славных лука“, „две лодки“, „двух коней“, „шапку золота“ и „шапку серебра“, наконец, весь свой хлеб—Вейнемейнен непоколебим. Он решается освободить Юкагайнена только, когда тот предлагает ему в жены свою сестру Айно. Вейнемейнен сватается к Айно, но неудачно: сестра Юкагайнена отказывается идти замуж за старика, в отчаянии она идет в лес, торопится к морскому бе-

* Осмо—он же Калева.

** Похьела—страна Севера.

регу и бросается в море. Вейнемейнен ищет ее в море, но не находит и решает отправиться в Похьелу, высватать себе новую невесту. Коварный Юкагайнен подстерегает его, стреляет в него из лука, но стрела его поражает только лошадь Вейнемейнена. Вейнемейнен при помощи все того же орла добирается до Похьелы. „Хозяйка“ этой страны — Лоухи принимает его гостеприимно, но в качестве выкупа за дочь требует, чтобы Вейнемейнен выковал чудесное Сампо, приносящее счастье. Вейнемейнен обещает ей прислать для этого своего брата кузнеца Ильмаринена и возвращается домой. По дороге он видит на небе, на радуге, красиво одетую девушку Похьелы и сватается за нее. Девушка готова согласиться, если он из ее веретен сделает лодку и спустит ее на воду, не прикасаясь к ней. Вейнемейнен начинает строить лодку, но топором ранит себе колено. Не в силах остановить кровь, он ищет заклинателя, который мог бы это сделать. Старик-заклинатель обещает остановить кровь, если Вейнемейнен откроет ему тайну рождения железа. Вейнемейнен выздоравливает и, возвратившись домой, посылает Ильмаринена в Похьелу ковать обещанное Лоухи Сампо. Три дня и три ночи раздувает Ильмаринен мехи, три дня и три ночи кует без усталости и вот:

Лук из пламени явился
С золотым сияньем лунным;
Серебром концы блестели,
Рукоятка — пестрой медью.
Был по виду лук прекрасен,
Но имел дурное свойство —
Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.

Ильмаринен не рад луку, губящему людей, он ломает его и бросает снова в горнило. Он кует еще день:

Из огня челнок там вышел,
Вышла лодка темной краски,
Борт весь золотом украшен
И уключины из меди.
Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шел в сраженье,
Биться шел без приказанья.

Поэтому и челнок брошен в горнило. На третий день

Из огня корова вышла—
У нее рога золотые,
Среди лба у ней созвездья,
Меж рогов сияет солнце.

Но и корова не удовлетворяет Ильмаринена. На четвертый день выковался плуг, но и он вслед за коровой брошен в горнило на переплавку. Еще три дня кует Ильмаринен:

Видит: Сампо вырастает,
Крышка пестрая возникла.
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Стал тогда ковать скорее,
Молотком стучать сильнее
И выковывает Сампо,
Что муку одним бы боком
А другим бы соль молотом,
Третьим боком много денег.
Вот уж выковано Сампо,
Крышка пестрая готова:
На рассвете мелет меру,
Эту меру—на потребу,
А другую—для продажи
Третью меру—для запаса.

Сампо—чудесная мельница-самомолка, приносящая счастье, готова. Она создана трудом Ильмаринена.

Но Лоухи хочет счастья только себе—она запирает Сампо в гранитный утес за девятью замками. Ильмаринен требует девицу в вознаграждение; но та не соглашается—ей еще не время уходить из дома. Ильмаринен получает лодку, возвращается домой и рассказывает Вейнемейнену о своей неудаче.

Между тем Вейнемейнен не забывает своего замысла—его ждет подвиг, он должен построить первую лодку. С большой тщательностью выбирает он дерево, годное для такой цели, пока не останавливается на дубе. Для того, чтобы построить лодку, нужны не только сила и ловкость, но и знание. Поэтому Сампо Пеллервойнен готовит материал, а Вейнемейнен строит лодку заклинаниями:

Песню спел—и дно готово,
Спел еще—бока явились,
Третью песню спел—и сделал
Все уключины для весел,
Укрепил концы у ребер
И сплотил их сторонами.

Но для того, чтобы закончить лодку,

Трех словечек нехватало,
Чтоб устроить в лодки рейки,
Чтоб на киле брус окончить,
Чтобы борт скорей приделать.

Вейнемейнен идет добывать нужные ему слова, но нигде не может их отыскать. Даже в стране мертвых—Манале ждет его неудача. Случайно встреченный пастух советует идти к Антеро Випунену—певцу могучих заклинаний, старому великану, сросшемся с землей, — только побывав в чреве великана, найдет он нужные ему слова. Вейнемейнен идет к Випунену и будит его под землей от тяжелого сна. Випунен проглатывает Вейнемейнена, но тот устраивает в его чреве кузницу и мучает великана, пока не добивается своего.

Лодка построена, и Вейнемейнен снова отправляется в Похьелу—невеста все еще не высватана. Вслед за ним отправляется в Похьелу и Ильмаринен. Лоухи советует дочери выбрать Вейнемейнена,

Что везет именье в лодке,
В челноке везет богатства.

Но дочь Лоухи предпочитает Ильмаринена не только потому, что он молод, а потому что он искусный кузнец, выковавший чудесное Сампо. Но и Ильмаринен может получить дочь Лоухи в жены, только выполнив опаснейшие поручения: он должен вспахать змеиное поле, поймать медведя и волка Маналы и страшную щуку из реки страны мертвых. Но трудности не страшат Ильмаринена. Когда все поручения выполнены, празднуется свадьба. К свадьбе убивают огромного быка,

Вышиной рога в сто сажень,
В полтораста сажень морда

. . . . .

Целый месяц нужно белке,
Чтоб с плеча к хвосту добраться:
До конца не достигаст,
Прежде чем пройдет весь месяц.

Мяса хватило на всех пирующих:

Получили там немного:
Только сто ушатов мяса,
Колбасы сто сажень вышло,
Крови вышло на семь лодок,
Жиру вышло на шесть бочек—
Все для свадьбы в Сариоле,
Для пирушки в той Похьеле.

Пять следующих рун дают свод свадебных песен и поучений жениху и невесте, заключающих в себе подробные правила поведения для всех членов былой семьи карельских крестьян.

Ильмаринен сажает молодую в сани и увозит ее домой.

Вейнемейнен и Ильмаринен задумывают вернуть народу Калевалы Сампо, присвоенное коварной Лоухи. К ним присоединяется воинственный и смелый Лемминкейнен. Герои приплывают к водопаду, и там лодка на скакивает на спину огромной щуки. Из костей этой щуки Вейнемейнен делает кантеле*. Когда он начинает играть на кантеле, все люди и все существа, живущие в воздухе, на земле и в море, спешат к нему, чтобы послушать его игру. Вейнемейнен не только мудрый работник, но и прекрасный певец:

Вот играет Вейнемейнен—
Не осталось зверя в лесе,
Изо всех четвероногих
Тех, что могут бегать, прыгать,
Чтоб не шел туда послушать
И, ликуя, восторгаться,
Белка весело цеплялась,
С ветки прыгала на ветку.
Подбежали горностаи,

* Карельский народный музыкальный инструмент.

Возле изгороди сели.

Лось запрыгал на поляне и т. д.

Сердца их так тронуты волшебной игрой, что слезы показываются у них на глазах; даже из глаз Вейнемейнена падают на землю крупные капли слез и стекают в воду, где превращаются в чудесные голубоватые жемчужины.

Герои приезжают в Похьелу. Вейнемейнен объявляет, что они приехали за Сампо, и если добром не получат, то возьмут его силой. Лоухи не хочет отдавать Сампо и поднимает против них вооруженных похьеландцев. Вейнемейнен играет на кантеле и погружает своей игрой весь народ Похьелы в сон. Взяв Сампо, которое было скрыто Лоухи в каменной горе, герои кладут его в лодку и отплывают из Похьелы. Лемминкейнен рад победе и порывается петь хвалебную песню. Его не может сдержать даже осторожный и мудрый Вейнемейнен, говорящий, что Сампо еще не в Калевале и хвалиться еще рано. Песнь Лемминкейнена пугает журавля, журавль уносится с криком в небо и криком своим будит спящую Похьелу. Лоухи узнает о похищении Сампо и в ярости посылает вдогонку похитителям густой туман и буйный ветер. Буря не страшна героям, но во время бури кантеле Вейнемейнена падает в море и исчезает навсегда. Лоухи снаряжает военное судно и сама направляется за похитителями Сампо. Она их настигает в море. Завязывается бой, в котором побеждают славные герои, но во время борьбы Сампо падает из лодки в море и разбивается на куски:

Так разбилось в море Сампо,
Крышка пестрая сломалась.
Потонули те обломки,
Те куски большие Сампо
В глубине потоков синих,
В темной тине дна морского.

Из потонувших осколков Сампо образуются морские богатства, мелкие куски выброшены на берег Калевалы. Вейнемейнен говорит, что они принесут счастье народу Калевалы:

Вот отсюда выйдет семя
Неизменных благ начало:

Выйдут пашни и посевы
И различные растенья,
И блеск месяца отсюда,
Благодетельный свет солнца.

Лоухи же достались мельчайшие обломки — поэтому так скудно живет народ Похьелы:

Оттого в Похьеле бедность,
У лапландцев* мало хлеба.

Вейнемейнен заботливо собирает осколки Сампо и рассеивает их по Калевале, желая своей родине благоденствия:

Чтоб мы счастьем наслаждались,
Жизнь бы прожили счастливо
И чтоб с честью скончались

Здесь, в Карелии прекрасной!

Пусть не светит дурно солнце,
Не сияет дурно месяц,
Пусть не веют дурно ветры,
Пусть не льется лютый ливень,
Холода не будут вредны
Или злая непогода!

Чтоб злодей нас не коснулся,
Враг плодов бы не похитил
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц!

Вейнемейнен делает кантеле из березы и играет на нем; все снова наслаждаются его игрой.

Но коварная Лоухи не успокаивается, она посылает на Калевалу ужасные болезни. Только мудрость Вейнемейнена спасает род Калевы от гибели, он топит жаркую баню и изгоняет болезни. Тогда Лоухи натравливает медведя на стада Калевалы. Вейнемейнен справляется и с этой бедой — медведь убит, и народ Калевалы веселится на „медвежьем празднике“. Вейнемейнен поет свою песню, желая Калевале счастливой жизни в

---

* Похьела в рунах иногда отождествляется с Лапландией, землей лопарей (саамов), живших севернее карел.

будущем. Месяц и солнце, очарованные пением, сходят на землю, чтобы лучше слышать Вейнемейнена. Лоухи хватают их, прячут внутрь горы и похищают огонь из домов Калевалы.

Ильмаринен выковывает новый месяц и новое солнце, но они не светят и не греют.

Вейнемейнен узнает, что месяц и солнце спрятаны в горе Похьелы, отправляется в Похьелу, истребляет врагов, но не может освободить месяц и солнце из горы. На помощь ему приходит Ильмаринен, который берется выковать инструменты, с помощью которых гора будет пробита.

Лоухи, уstraшенная замыслом героев, сама выпускает из горы солнце и месяц. Вейнемейнен приветствует их и желает, чтобы они всегда служили украшением неба и приносили всем людям благополучие.

Рассказы о подвигах главных героев — Вейнемейнена и Ильмаринена, — переплетаются с рунами о Лемминкейнене и рунами о Куллерво.

Лемминкейнен — веселый, воинственный и беззаботный герой, пользующийся особым расположением женщин. Цикл песен о Лемминкейнене содержит многочисленные приключения героя. Он женился на красавице Кюллики, но потом он бросает ее и едет воевать в Похьелу. Там, одержав ряд побед, он оказывается жертвой коварного пастуха. Мать спасает Лемминкейнена, собрав куски его тела, которые она вылавливает из реки страны мертвых Туонелы. Воскресший герой снова сражается в Похьеле, но вынужден бежать и скрыться на далеком острове, не знающем войн и раздоров.

Потом мы встречаем Лемминкейнена завоевывающим вместе с другими героями „Калевалы“ Сампо у хозяйки Севера Лоухи.

Куллерво — трагический герой „Калевалы“, жестоко обиженный и угнетаемый. Род его уничтожен родом Унтамо, сам он еще в чреве матери стал его рабом. Яркими красками рисуется издевательство хозяйки над Куллерво:

Хорошо живет хозяйка.
Хлеб печет себе пшеничный,
Пироги себе готовит
И намазывает маслом.
И пастух берет хлеб черствый

И сухую корку гложет,
Овсяной грызет он хлебец,
Хлеб с мякиной разрезает,
Хлеб съедает из соломы,
Хлеб жует с корой сосновой,
Воду черпает берестой,
Пьет ее из под кореньев.

Хозяйка дает ему похлебку,

Где весь жир собака съела,
Где уж черная слизала,
Сыто пестрая поела,
Вдоволь серая наслась.

Мало этого: однажды, она, издевки ради, запекает камень в хлеб Куллерво. Куллерво решает ей отомстить. Он превращает хозяйских коров в волков и медведей, которые разрывают жестоко хозяйку на части.

4

Как и всякий народный эпос, руны прожили много веков и имели сложную и своеобразную историю. Вместе с тем руны, впитавшие в себя опыт многих поколений, дают нам драгоценнейший материал для изучения истории карело-финского народа. Однако историчность их заключается не в точной передаче событий, бывших когда-то, а в поэтически верном изображении старого быта, обычаев, обрядов, а главное мыслей и идей, т. е. идеологии народных масс далекого прошлого. Древнейшие руны о героях „Калевалы“ возникли на последней ступени родового строя, т. е. не менее семисот восьмисот лет тому назад. Каждое последующее поколение пело руны по-своему, но, повидимому, очень рано певцы стали осмысливать руны „Калевалы“ как песни о прошлом своего народа. Это обеспечило прекрасную сохранность черт позднего родового общества. Руны „Калевалы“ историчны в том смысле, что в них ярко отразилась древнейшая эпоха истории карело-финского народа, его чаяния и ожидания. Как справедливо говорил А. М. Горький, „от глубокой древности фольклор* неотступно и своеобразно сопутствует истории.“

---

* Устное народное творчество.

Однако напрасно было бы предполагать, что в рунах мы найдем нечто вроде очерка быта и жизни людей на стадии родового строя. Известные нам руны записаны в XIX и XX вв. у карельских крестьян. Поэтому в „Калевале“, наряду с пережитками далекого прошлого, явственно слышатся отголоски более близких нам времен, а в некоторых случаях и недавнего прошлого карельской деревни. В этом большая сложность изучения карело-финского эпоса.

— Мы остановимся лишь на некоторых моментах отражения древнейших этапов развития карело-финского народа в рунах „Калевалы“, без правильного понимания которых трудно разобраться в основных идеях рун. Так, например, с нашей современной точки зрения, может показаться странным, что все герои „Калевалы“ сватаются за девушек враждебной Похьелы и при этом похьеландцы воспринимают их сватовство, как совершенно нормальное явление. Возникает мысль о том, что во времена сложения первых рун такое сватовство было нормальным обычаем или, по крайней мере, люди еще помнили о тех временах, когда оно было нормальным. И, действительно, из истории многих народов мы знаем, что в эпоху родового строя, когда люди жили отдельными родами и племенами и при этом каждый род вел самостоятельную экономическую жизнь, обычно, во избежание кровосмешения, запрещалось брать жен из своего же рода. С другой стороны, жен нужно было брать только из определенных родов, вместе составлявших племя. Принадлежность к одному племени не исключала вражды между родами. Таким образом, часто случалось, что жен нужно было брать именно у враждебного рода, у „врагов“.

Борьба родов с чрезвычайной яркостью отразилась и в рунах о Куллерво, где враждебные роды Унтамо и Калерво попеременно истребляют или обращают в рабство друг друга. Но рабство это еще очень примитивно, это так называемое „патриархальное рабство“, при котором появление и исчезновение рабов случайно, они работают наравне с их порабощателями и больше напоминают пленников.

Руны о борьбе Куллерво с его угнетателями были дороги карельскому крестьянству на протяжении столетий, конечно, не потому, что в них изображается борь-

ба родов (о былом существовании которых было давно забыто), а потому что в них в поэтической форме сим-волизировалась борьба угнетенных с угнетателями.

Герои рун легко переходят от мирной трудовой деятельности к войне и обратно. Но кто же они в основном — воины или крестьяне? На этот вопрос нельзя дать прямого ответа, так как во времена, когда складывались первые руны, не было еще ни воинов, ни крестьян. Основным содержанием жизни людей, объединившихся в роды, был труд. Но труд этот был неотделим от борьбы за отстаивание результатов труда, так же как он был неотделим от борьбы с дикими животными и стихийными силами природы. Люди сражались для того, чтобы отстаивать свое существование.

5

Какие же мысли, какие идеи выразил народ в рунах „Калевалы“, чем нам дорого это, казалось бы, сказочное повествование о радостях и горе, труде и битвах героев далекого прошлого? Почему народ поет эти руны до сих пор, несмотря на то, что они созданы много веков тому назад? Наконец, почему мы утверждаем, что только советский народ, свободно и вдохновенно строящий свое будущее, имеет право называться законным наследником карело-финского народного эпоса?

Буржуазные исследователи „Калевалы“ (главным образом финляндские) сделали все, чтобы отнять „Калевалу“ у ее творца—карельского народа. Изошряясь в выдумках и не останавливаясь перед прямой фальсификацией, они стремятся доказать некарельское происхождение рун. Они создали искусственную „теорию“, согласно которой руны были созданы будто бы в западной Финляндии (где в действительности не была записана ни одна руна) и лишь затем „перекочевали“ в Карелию. Не находя подтверждений этой теории, они пустились в выдумки, клевета на карельский народ, объявляя его способным играть только роль разносчика поэтических богатств, якобы, созданных „избранной финской нацией“.

Советская наука решительно отвергает эти злостные националистические измышления. Руны созданы карельским народом, в среде которого они бытовали и бытуют до сих пор. Советские ученые, специально исследующие творчество народных певцов, неопровержимо дока-

зали специфически карельский характер основных идей, образов и языка народных рун.

Буржуазные финляндские „исследователи“ „Калевалы“ пытаются не только отнять руны у ее творца — карельского народа, они с неменьшим рвением стремятся доказать вообще не народный, а феодальный (или даже викингский*) характер карело-финского эпоса. В поисках „убедительных“ доводов они мечутся от „теории“ к „теории“, весь смысл которых сводится к доказательству того, что руны создал не народ, а господствовавшие классы, а народ будто бы рабски подобрал крохи с роскошного когда-то барского стола. Но все их попытки, антинародный характер которых совершенно ясен, обречены на провал.

В стремлении принизить прогрессивное значение „Калевалы“ буржуазные „исследователи“ доходят до противопоставления „Калевалы“ народной традиции. Они пытаются уверить своих читателей, что „Калевала“ создана самим Ленротом, а факт использования в ней народных песен, якобы, не имеет никакого значения. Признавая крупную заслугу Ленрота, собравшего и отредактировавшего народные песни, советская наука считает „Калевалу“ созданием карело-финского народа. Сборник Ленрота лишь один из эпизодов в жизни народного эпоса, сам эпос возник задолго до него и продолжает жить до сих пор.

Советская наука, руководимая методом диалектического материализма, следуя исторической действительности и основывая свой анализ на реальном содержании народных рун, решительно отвергает ложные „выводы“ финляндской буржуазной науки. Карело-финские руны — великий народный эпос, национальная гордость карело-финского народа. Вместе с эпосами братских советских народов — русскими былинами, украинскими думами, киргизским „Манасом“, узбекским „Алпамышем“, армянским „Давидом Сасунским“ и другими, „Калевала“ является замечательным вкладом карело-финского народа в социалистическую культуру нашей родины.

„Калевала“ — народный эпос не только по своему происхождению, но и по своему существу, по своим

---

* Викинги — скандинавские средневековые завоеватели и морские разбойники.

основным идеям, обеспечившим рунам любовь народа, активную многовековую жизнь. Это — эпос трудовых масс, отразивший их чаяния и ожидания, выразивший их мечту о прекрасном будущем.

„Калевала“ сложна. Правильно понять ее не так просто. Сложность эта объясняется тем, что руны прожили долгую жизнь и, переходя из уст в уста, впитали в себя мысли и чувства многих поколений, мысливших и чувствовавших по-разному. Однако самое важное в „Калевале“ — поэзия труда, пафос творческого созидания, пафос борьбы за овладение природой — были одинаково близки всем поколениям карело-финского народа и остаются дороги нам и поныне.

В противовес положностям утверждениям финляндских фольклористов, ни в „Калевале“, ни в легших в ее основу народных рунах, нет ничего, что дало бы нам право утверждать феодальный (или даже викингский) характер ее идеологии. Герои ее ничем не напоминают викингов, поднимавших меч ради насилия и разбоя, они ничем не напоминают и средневековых рыцарей. Их подвиги имеют совершенно иной характер и смысл. Это подвиги трудового творчества и созидания на благо народа, во имя его счастья и свободы.

Руны пронизывает горячая вера во всемогущество человеческого разума и человеческих рук. Главный герой „Калевалы“ Вейнемейнен засекает землю деревьями, добывает первый огонь, выращивает хлеб, сеет лен, строит лодку, убивает гигантскую щуку, охотится на медведя, изготавливает кантеле и т. д.

Кузнец Ильмаринен может выковать все — лук, лодку, плуг, даже корову. Когда Лоухи предлагает ему опаснейшие испытания — вспахать змеиное поле, поймать медведя и волка Маналы и щуку из реки мертвых, все трудности преодолеваются его великим мастерством. Он выковывает себе железное одеяние и без страха приступает к пахоте, выковывает узду из стали и ремень из железа и укрощает ими волка и медведя с полян Туонелы, наконец, выковывает железного орла, ловящего страшную щуку из реки мертвых. Только с помощью Ильмаринена, изготовившего трезубец, дюжину железных копий и связку ключей, удалось бы Вейнемейнену освободить солнце и месяц из заточения.

Ильмаринен не может выковать только живого человека, солнце и луну, которые бы грели и светили.

Лучшее, что выковал Ильмаринен, — это чудесное Сампо, приносящее счастье. Он кует его долго и упорно, но добывается своего.

Упорство в труде, в достижении цели — характернейшая черта народных героев. Для того, чтобы построить лодку, Вейнемейнен предпринимает далекое путешествие в царство мертвых, рискованное и трудное состязание с чудовищем Антеро Випуненом.

Вейнемейнен, проникающий в тайну происхождения вещей, не только умеет, но и знает больше других. Больше того — он стремится знать все. Называя себя „певцом незначительным“, „неважным заклинателем“, он сокрушается о том, что его меньше слабо, иначе:

Обратил бы в мед он море,
А песок — в горох красивый,
Хрящ морской — в хороший солод,
Солью б стали камни моря,
Хлебородной почвой — рощи,
Темный лес — пшеничным полем и т. д.

Вейнемейнен выступает во всех трудных делах вместе со своим братом кузнецом Ильмариненом. Сам Ильмаринен достигает совершенства не столько силой, сколько изощренным умением, тонким профессиональным искусством.

Может показаться, что сказанному противоречат многочисленные заклинания и заговоры, которыми щедро пересыпаны руны. Однако это не так. Все заклинания, встречающиеся в „Калевале“, имеют один и тот же смысл — они теснейшим образом связаны с процессами труда и направлены на облегчение достижения цели этого труда. „Смысл этот — говорил А. М. Горький в речи на I Всесоюзном съезде советских писателей, — сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом „заговоров“, „заклинаний“ повлиять на стихийные, враждебные людям, явления природы. Последнее особенно важно, ибо знаменует, как глубоко верили люди в силу своего слова, а вера эта объясняется явной и вполне реальной пользой ре-

чи, организующей социальные взаимоотношения и трудовые процессы людей.“ Только с этой, горьковской, точки зрения можно правильно истолковать образ самого Вейнемейнена, неотъемлемыми качествами которого являются мудрость и знание песен.

Таким образом, пафос „Калевалы“ в воспевании труда и, что особенно важно, труда свободного, разумного и радостного, труда на благо народа, во имя его счастья и свободы, т. е. труда, не имеющего ничего общего с тягостным и унижительным трудом классового общества, построенного на эксплуатации человека человеком. Поэтому основные идеи „Калевалы“ не могут не быть близки советскому народу, чей труд стал „делом чести, делом славы, делом доблести и геройства“ (Сталин).

Герои рун — охотники, рыболовы, земледельцы. В них изображаются буквально все виды хозяйственной деятельности северного крестьянина: пахота и сеяние злаков, сбор урожая и молотба, сеяние и обработка льна, прядение и ткание, скотоводство, охота на медведя, лося, лебедя, рубка леса и изготовление лодки, лыж, лука, стрел, постройка, вязанье сетей, ловля рыбы, бортничество, езда на санях, лыжах, лодке, приготовление пищи, варка пива, мыла, лечебных мазей и, наконец, изготовление кантеле.

„Трудные задачи“, которые должен выполнить жених для того, чтобы стать мужем, строятся так же: Ильмаринен, как мы говорили, должен пахать, охотиться и рыбачить, Лемминкейнен ловит лося, укрощает коня и охотится на лебедя. И совсем уж по-крестьянски, подъехав к морю,

Оставляет Вейнемейнен
На песках свою лошадку,
Привязал к суку за повод,
К деревцу за недоуздок.

Герои „Калевалы“ поднимают меч только для того, чтобы отстоять счастье и свободу народа. Поэтому не в меру воинственный и хвастливый задира Лемминкейнен терпит поражение и вынужден искать убежище на далеком острове, не знающем „битв и раздоров“. Поэтому Ильмаринен, впервые добывающий железо, думает только об его хозяйственной пользе, он хочет, что-

бы оно не было губительным. И если железо стало рязшим, говорят нам руны, то в этом виноват злой „хозяйин леса“ Хииси, пославший шершня с капелькой яда, которая попадет в расплавленное железо.

Герои, добывшие Сампо, хотят отвезти его на остров,

Где оно в покое полном
Навсегда остаться может.
Там ведь есть еще местечко,
Там клочок земли остался,
Невредимый и спокойный,
И мечом не посещенный.

Помимо описаний процессов труда, подвигов труда и созидания, руны „Калевалы“ впитали в себя поэтические размышления многих поколений о природе и качествах вещей, об их жизни и происхождении. Для того, чтобы воздействовать на вещь, надо знать ее происхождение. Поэтому так часто в заклинаниях, рядом с изображением желаемого результата, раскрывается тайна происхождения заклинаемой вещи. Недаром о Вейнемейнене говорится, что он

Пел дела времен минувших,
Пел вещей происхождение.

Такое стремление превратило руны в свод знаний людей прошлого. Так, в рунах рассказывается о начале земли и строении вселенной, о первом земледельце, о первом кузнеце, о первом рыболове и создателе кантеле, о происхождении железа, медведя, змей, мороза, болезней, жемчуга, лекарственных трав и лечебных мазей, пива и т. д.

Вместе с тем, мы находим сведения о том, где растут нужные сорта деревьев, где живет какая рыба и когда она мечет икру:

Сиг живет на плоскодоньи,
А лосось на ровном месте.
Класть икру умеет щука
Средь зимы, средь бурь свирепых,
Но горбатый окунь робок,
В омут осенью уходит,
А икру он мечет летом,
Берег плеском оглашая.

Нередко эти сведения наивны и относят нас к тем далеким временам, когда люди слишком мало и плохо знали окружающий их мир. Но для нас они важны как свидетельство глубочайшей пытливости трудовых масс далекого прошлого, свидетельство силы их поэтического воображения.

Трудовой характер идеологии рун „Калевалы“ обнаруживается не только в описаниях процессов труда и самом облике героев и характере их подвигов. Так называемые фантастические элементы рун „Калевалы“, за вычетом элементов мифологических, т. е. олицетворений противостоящих человеку стихийных сил природы—(хозяйка Похьелы, морская владычица Велламо, дочь воздуха Ильматар, хозяин леса Хийси, царица лесов Мьелики, бог неба и грома Укко и т. д.)—сводятся к поэтической мечте об изобильной и привольной жизни, об облегчении человеческого труда. „Под каждым взлетом древней фантазии,—говорит А. М. Горький,—легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда—стремление людей облегчить свой труд. Совершенно ясно, что это стремление было внесено в жизнь людьми физического труда.“

В „Калевале“ читатель найдет замечательное и разнообразное подтверждение горьковской теории трудового происхождения народной фантастики.

Веками голодавшие карельские крестьяне, певшие в рунах:

Часто хлеб хорош снаружи,
И гладка снаружи корка.
А внутри с корой сосновой
Да еще под ней мякина,—

ценой огромного напряжения, отвоевывавшие у леса и камня клочки скупой земли для посева, вкладывали в уста Вейнемейнена горделивый ответ Юкагайнепу, предлагающему ему весь свой хлеб:

Мне полей твоих не нужно,
В хлебе вовсе не нуждаюсь,
У меня и так их много:
Где ни глянешь, там и поле,
И скирды стоят повсюду.
А мои скирды получше,
И скирды мои почище.

Рисуя идеального жениха, свадебная песня вторит этой мечте:

У него стада большие,
И они все возрастают...
На полях там много хлеба,
В долах множество запасов,
По лесам ольховым — пашни,
По ручьям — ячмень богатый.
Там овес — промеж утесов,
По побережьям рек — пшеница.

Народ мечтал о небывалом урожае, способном насытить весь край:

Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлеба.

Народ мечтал о небывалом хлебе, приносящем тройной урожай, хлебе, у которого

Шестигранные колосья
Три узла на каждом стебле.*

Советскому народу дорога прекрасная, поэтическая мечта людей прошлого. Каждый читающий эти строки невольно вспомнит о 8-миллиардных сталинских урожаях, о героях социалистического земледелия, наконец, о „ветвистой“ лысенковской пшенице и других „чудесах“ советского сельского хозяйства.

Из всего этого, конечно, не следует, что предки современных карельских сказителей мыслили о будущем народа именно в тех формах, в каких это осуществляется в наши дни. Но для нас чрезвычайно важно отметить трудовой характер мечты „древних рабочих людей“, как их называл Горький, — мечты, которая обгоняла действительность.

Вместе с мечтой о земледелии будущего в рунах рисуется мечта о необычайно большом скоте (руна 20),

---

* В подлиннике: „колосья в шесть разных сторон, стебли в три узла.“

о небывалых размеров щуке (руна 40), о льне, созревающим „лишь в течение летней ночи“ (руна 48) и т. д. и т. п.

В руне о сватовстве Ильмаринена в Похьеле рассказывается о том, как Ильмаринен выковал железного орла, перенесшего его по воздуху к реке Туони и убившего страшную щуку. Так же, как в русской сказке о ковче-самолете, здесь ясно выразилась мечта „древних рабочих людей“ о „возможности летать по воздуху“ (Горький).

В руне о пиршестве Ильмаринена рисуется желаемое облегчение труда крестьянки, моловшей обычно зерно на ручной мельнице и дробившей крупу в ступе:

Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Жорнов ей вертеть не нужно
И не нужно ставить ступку:
Здесь вода пшеницу мелет
И для ржи поток стремится,
Здесь поток посуду моет,
Очищает пена моря.

В руне о приключениях Лемминкейна на острове, изображается мгновенное строительство богатого крестьянского двора. Крестьянам, жившим в избах, о которых пелось:

Смотрит хижина дырявой
И голодную нору,

рисовался заманчивый идеал богатой, нарядной избы

Все края — ежовой кости,
Все низы — оленьей кости,
Двери — кости рассомахи,
Косячки — ягнячьей кости.
Все из яблони стропила
С свиливатыми столбами.
Пол покрыт ковром из шелку.
Печка сделана из меди,
Весь очаг — из твердых камней,
Печка — из камней подводных,
Загородки — дуб Калевы.

Наивысшим выражением мечты о всеобщем счастье и изобилии безусловно является центральный образ „Калевалы“ — Сампо — необыкновенно высокое поэтическое обобщение трудовой творческой мечты карело-финского народа.

Что же такое „Сампо“? Из чего и как оно создается? Как уже говорилось, Сампо выковывает искусный Ильмаринен,

Взяв конец пера лебедки,
Молока от той коровы,
Что яловой осталась,
От овечки летней шерсти,*
Ячменя зерно прибавив.

На первый взгляд может показаться странным такое соединение разнородных вещей, да еще в качестве материала для кования. Но эти строки „Калевалы“ получают совершенно простое и естественное объяснение, если учесть символический характер самого Сампо. „Конец пера лебедки“ (т. е. лебединый пух), молоко яловой коровы (т. е. лучшее молоко) и шерсть овцы-однолетки в соединении с зерном ячменя — олицетворяют ценнейшие продукты крестьянского труда...

Ильмаринен кует долго и упорно, он получает последовательно — лук (охота), лодку (рыболовство), корову (скотоводство), плуг (земледелие), которые снова бросаются в горнило для дальнейшей переплавки в Сампо. Таким образом, и процесс кования подчеркивает, что Сампо мыслится символом, охватывающим все стороны производственной деятельности крестьян. Выкованное Сампо приобретает также типичный крестьянский, земледельческий облик. Это мельница-самомолка, мелющая муку, соль и деньги:

На рассвете мелет меру,
Эту меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — для запаса.

Но Сампо — не только и не просто мельница. Само присутствие Сампо в стране, приносит народу счастье.

---

* В подлиннике — „подшерсток овцы одногодки“.

Заключенное в гору, оно пускает мощные корни, разбитое на куски, продолжает приносить счастье обладателям осколков; посеянные осколки—дают обильный урожай хлеба и т. д.

Таким образом, Сампо—это воплощение мечты об изобильной и привольной жизни, карело-финский национальный символ счастья, древняя мечта трудового народа о будущем счастье, мечта, обращенная вперед и реализуемая трудом человека.

Образ Сампо близок и дорог советскому народу, сознательно и разумно строящему прекрасное будущее.

„О Сампо, о счастье веками мечтал карело-финский народ,—говорилось в приветствии карело-финского народа товарищам Сталину и Молотову по поводу преобразования Карельской АССР в Союзную Карело-Финскую Социалистическую Республику.—Об этих мечтах немало сложено былин, песен, сказаний. Вдохновленные этими мечтами, наши предки сложили руны „Калевалы“, которыми и поныне гордится карело-финский народ. Не мало было протестов и восстаний, не мало лучших людей сложили свою голову в борьбе за равноправную свободную жизнь. Но все эти восстания и протесты жестоко подавлялись царским самодержавием. И только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела наш народ, как и все народы бывшей царской России, на путь свободного развития, на путь счастливой и радостной жизни“.

Трудовой карело-финский народ веками мечтал о наступлении великой эры осуществления мечты о Сампо. Как заветная эстафета передавалась из поколения в поколение неугасаемая вера в наступление дней строительства нового Сампо. Поэтому Вэйнем-йнен, покидая родину, на которой родился сын Марьятты, олицетворяющей иные времена („Времена пришли плохие, и конец приходит жизни“), предсказывает свое возвращение:

Вот исчезнет это время,
И настанут дни иные,
И меня здесь пожалеют,
Ждать, искать меня здесь будут,
Чтоб я вновь устроил Сампо,
Чтобы гусли снова сделал,

Вновь пустил на небо месяц,
Солнцу снова дал свободу;
Ведь без месяца и солнца
Радость в мире не бывает.

И как бы отвечая старым рунам, сказительница
М. И Михеева (с. Ухта) поет в наши дни:

Вышло солнце из-за тучи,
И из тьмы поднялся месяц,
Новое явилось Сампо
И молоть зерно принялось,
. . . . .
Шли на юг об этом вести,
Донеслись они на север,
Что родилось снова Сампо,
Что пришло к народам счастье.

100-летний юбилей „Калевалы“ — великий праздник карело-финского народа. В дни юбилея мы чествуем замечательное создание поэтического гения карело-финского народа, чествуем певцов рун, пронесших сквозь века заветную эстафету веры в наступление эры достойного и свободного трудового творчества, эры изобилия и счастья.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Калевала: Предисловие и ред: Е. Г. Кагарова, Петрозаводск, 1949.
2. Руны и исторические песни. Переводы и составление В. Я. Евсеева, Петрозаводск, 1946.
3. Сампо. Переводы и составление В. Я. Евсеева, Петрозаводск, 1950.
4. Карело-финские эпические песни. Переводы В. Я. Евсеева, Петрозаводск 1951.
5. Избранные руны Архипа Перттунена. Перевод предисловие и составление В. Я. Евсеева, Петрозаводск, 1948.
6. Карельский фольклорной яписи. Перевод вступительная статья и составление В. Я. Евсеева, Петрозаводск, 1949.